

АЛЕКСАНДР БРЫКСЕНКОВ
АНДРЕЙ БРЫКСЕНКОВ

Коммунальная квартира

НОВЕЛЛЫ КОММУНАЛЬНОГО БЫТА

Александр Брыксенков
Андрей Брыксенков
Коммунальная квартира.
Новеллы коммунального быта

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41831741

ISBN 9785449647252

Аннотация

Данный сборник исторических новелл показывает жизнь, взаимодействие жильцов, различные жизненные коллизии, увиденные ребёнком, который в 30-40-х годах жил в большой коммунальной квартире, образованной в роскошном здании, построенном до революции в Санкт-Петербурге эмиром бухарским. Коммуналки решали жилищную проблему: народ массово переселялся из углов, подвалов, бараков в более комфортабельное жильё.

Содержание

ДОМ ЭМИРА БУХАРСКОГО	5
СМЫСЛ ЖИЗНИ	14
ЛЮБА ЖЕЛЕЗНОВА	22
ПРИМЕР ОТЦА	31
СТАРОЕ ФОТО	37
КЕРОСИНОВАЯ АВАНТЮРА	44
ВАСО-КОЛБАСО	53
ЛЕТИТЕ, ГОЛУБИ	63
аннЕНСКАЯ МЕДАЛЬ	71
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Коммунальная квартира Новеллы коммунального быта

**Александр Брыксенков
Андрей Брыксенков**

© Александр Брыксенков, 2019

© Андрей Брыксенков, 2019

ISBN 978-5-4496-4725-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ДОМ ЭМИРА БУХАРСКОГО

Лицевой фасад дома 44-б на Каменноостровском проспекте. Арх. С.С.Кричинский. 1914.

Здание было уникально, то есть ничего подобного ему в Питере не существовало, да и во всей стране – тоже. Специалисты отнесли стиль его к неоклассицизму, а внешний вид – к виду итальянского палаццо.

Правую и левую части дома разделяла до третьего этажа трёхарочная аркада. Её арки опирались на колонны, составленные из последовательно повторяющихся прямоугольных параллелепипедов и цилиндров. Автор не архитектор и ар-

хитектурными терминами не владеет, поэтому он использовать будет бытовую лексику.

Выше первой аркады располагалась вторая аркада аж до пятого этажа. Её три арки опирались на высокие колонны коринфского ордера (этот термин автору знаком). За аркадой располагалась, соединяя левую и правую части дома, двухсветная лоджия. Лицевой фасад отличался обильным декором.. Кроме карнизов, навесов, декоративных выступов, по всему фасаду в проемах между окнами располагались полуколонны (или колонны), в нижней части составленные все из тех же параллелепипедов и полуцилиндров с шарами наверху, а в верхней – цилиндрические с коринфскими капителями. Фасад был бы ещё более эффектен, но, в связи с войной, строители отступили от проекта и не возвели каменную балюстраду вдоль всего третьего этажа.

Отделка дома тоже была уникальной. Лицевой фасад здания отделали крупными блоками желтовато-белого шишинского мрамора, доставленного с Урала, из под Златоуста. Это единственный дом в Петербурге, облицованный таким дорогим камнем. Кстати, здесь тоже существовали недоделки. Так шары на колоннах и стволы колонн ризалита были выполнены из дерева. Только в 1952 году дерево было заменено на более солидный материал, но не на мрамор.

И внутри лепота: мрамор, поделочные камни, красное дерево, лепнина, мозаика, зеркала. Эмирово палаццо было настолько эффектно, что и сам дом и его интерьеры послужили фоном при съёмке фильмов «Переступи черту» и «Коммуналка».

И аура у него непростая, под стать английским замкам. Правда, привидений не наблюдалось, но баек о подземном ходе, о тайной тюрьме, о спрятанных драгоценностях ходило предостаточно. После революции в доме размещался пулемётный полк. Современность тоже добавила колеру. В девяностые в эмировы покои въехали нефтяные воротилы братья Васильевы, которых вскоре перестреляли рядом с домом.

Это великолепное здание спроектировал и построил в 1914 году молодой архитектор С. С. Кричинский, правый мусульманин, татарин по национальности. Проектирование и строительство велось по заказу и на деньги эмира Сеид Алим-хана, повелителя благородной Бухары. Эмир, как и любой восточный властелин, обладал большими богатствами. На его деньги, кроме дома, одновременно шло строительство и знаменитой соборной мечети. Проектировал и строил мечеть все тот же Кричинский.

Ко времени постройки дома и мечети Сеид Алиму исполнилось 34 года. Это был солидный, бородатый мужчина,

имевший чин генерал-майора. Царская власть щедро одарила его орденами. Грудь эмира украшали следующие ордена: Св. Станислава, Св. Анны, Св. Владимира, Белого Орла, Св. Александра Невского. За что такие почести? Вопрос!

Старожилы дома любили рассказывать истории о жите-бытие эмира, о его гареме. Но все эти повествования были всего лишь байками, так как жить Сеид Алиму в этом распрекрасном доме не довелось. С началом войны он уехал в Бухару и больше в Петербурге не появлялся. А дом не пустовал. Сразу же после завершения строительства он был заселен высокопоставленными единовѣрцами эмира.

Этот удивительный дом находится на Петроградской стороне, на Каменноостровском проспекте за номером 44-б. Именно по этому адресу отправился Барсуков в одно из теплых, солнечных утр, чтобы посетить дом своей молодости.

В доме эмира Бухарского, который после революции преобразовался в большой коммунальный муравейник под названием Дом социальной справедливости, Барсуков прожил 20 лет. Он вместе с мамой и папой обитал в тринадцатиметровой комнатухе. В квартире было еще 13 подобных комнат, образованных фанерными переборками на месте бывшей генеральской квартиры. Конечно было весело и тесно при одной то ванной комнате и двух туалетах, но люди как-

то уживались и даже дружили.

Впоследствии судьба бросала Барсукова то в Ригу, то в Севастополь, то в Пермь, но каждый раз. бывая в Ленинграде, он обязательно навещал своих бывших соседей по генеральской коммуналке. С каждым разом их становилось все меньше и меньше и, когда на Серафимовское отвезли последнюю старожилку, Барсуков перестал посещать генеральскую квартиру.

Прошли десятилетия с момента переселения Барсукова из дома эмира Бухарского в многоэтажку в Озерках Он был уверен, что громадные коммуналки в доме эмира бухарского уже ликвидированы, что эти лакомые, элитные помещения отхватили пронырливые нувориши. Так можно было подумывать, наблюдая двор дома, забитый дорогущими авто, явно неподъемными для коммунальной публики.

Однако, однажды, проезжая мимо дома своей юности он обратил внимание на то, что окна в левой части дома (где он раньше и жил) завешены разнообразными занавесями. «Неужели все еще существуют коммуналки?» – озадачился Барсуков. Озадачился и решил проверить свое предположение.

Итак, в одно из теплых, солнечных утр отправился Барсу-

ков на Петроградскую сторону, чтобы посетить дом эмира бухарского.

Он вышел на станции метро «Петроградская», продефилировал мимо любимой «Промки», перешел Малый и – вот он дом его молодости!

Вместо солидного сооружения из дуба с шестигранным окошком для швейцара (как было раньше), парадную прикрывала тщедушная дверца без какого-либо замка, что в наши боевые времена выглядело необычно. Вообще-то кодовой замок существовал, но он не действовал. На входе не было ни консьержа, ни охранника. Вывеска свидетельствовала, что на первом этаже находится женская консультация.

Барсуков толкнул дверь и вошел в парадную. Неухоженность, мусор в углу, запах аммиака и многочисленные граффити на благородных светложёлтых, выполненных под мрамор, стенах с живописными вазами в розах. Роспись была в сколах: уроды пытались зачем-то долбить её. Такого варварства в довоенные времена даже представить было невозможно. Парадная была как храм, где швейцариха надзидала за тем чтобы жильцы с громоздкими вещами, с санками, лыжами, самокатами, а тем более с керосиновыми бидончиками не перлись в парадную, а шли на черный ход.

Барсуков поднялся не второй этаж, подошёл к двери квартиры №2 и нажал два раза на кнопку звонка.

Дверь открыла девочка. Не спросив, к кому пришел дядя, зачем пришел дядя, она исчезла в глубине коридора. «Со всем как в старые, добрые времена» – подумал Барсуков.

Он вошел в коридор, застланный потрескавшимся линолеумом. Барсуков знал, что под линолеумом находится дубовый узорчатый паркет, который в прежние времена ежемесячно покрывался мастикой и всем коммунальным коллективом натирался до зеркального блеска. Очевидно, нынешним жильцам блеск был ни к чему.

Барсуков по длинному коридору (35 метров), заставленному шкафами, коробками, ящиками, прошел на кухню. Там две женщины что-то готовили на плите. Он представился и объяснил зачем он пришел. Женщины оживились, предложили кофе и стали пространно отвечать на барсуковские вопросы.

Из их ответов следовало, что из старожилов в квартире никого не осталось, что родственники старожилов давно квартиру не посещают, что агенты по расселению предлагают варианты, которые не устраивают жильцов и т. д.

Отказавшись от кофе, поблагодарив женщин за информацию, Барсуков прошел на черный ход, на котором можно было без декораций снимать «Сталкера». Выйдя на задний двор, он уселся на скамеечку и пригорюнился: «Господи! Уж как за эти коммуналки демократы чехвостили коммунистов, а сами ничего сделать не могут».

Барсуков бросил взгляд на дворовый фасад дома. Он был не такой великолепный как лицевой, но все равно в нем присутствовало благородство. «Здорово, что эмир успел построить этот дом. Он, как яркий южный мазок на сдержанной палитре Петербурга, – подумал Барсуков. – Наши-то богатеи только на стекляшки и способны».

А судьба Сеид Алим-хана была не очень-то сладкой. В 1920 году Красная Армия разгромила войско эмира и ему пришлось бежать в Афганистан. Он уходил через горы с гаремом, маленькими детьми и с караваном из ста верблюдов. Эмир и его домочадцы достигли Афганистана, а караван исчез. До сих пор энтузиасты шастают по пещерам в надежде найти сокровища эмира.

Оставшись без сокровищ, беглый эмир жил скромно, зарабатывая на жизнь торговлей каракулем. У эмира было более трехсот детей, но законными считались лишь четыре дочери и три сына. Жизнь разбросала эмировых детей по раз-

ным странам.

Один из его сыновей жил в СССР. Он отрекся от отца и под новой фамилией Олимов служил в Красной Армии. Участвуя в Великой отечественной войне, потерял ногу. Награжден орденом Боевого Красного знамени. После войны преподавал в Военно-инженерной академии им. В. В. Куйбышева. Сеид Алим-хан к старости ослеп. Он умер 5 мая 1944 года.

Ах! князя, графья, купцы, заводчики,
Наплодили в Питере дворцов.
Постарались скульпторы и зодчие:
Любо, что с фасадов, что с торцов.

И внутри роскошное барокко
Или рококо, иль что могли.
Статуи стоят не одиноко.
Всюду люстры, бра и хрустали.

Ах! князя, графья, купцы, заводчики,
До чего ж вы, право, молодцы!

СМЫСЛ ЖИЗНИ

По домашнему уютный Кировский. 1950.

Лешка стал «философом», как его назвала мама, не спонтанно и не нечаянно. На его психику и на характер мышления повлиял вид регулярных траурных процессий, которые тянулись по Кировскому почти с раннего утра. А может быть и не только поэтому.

Болезни облюбовали Лешкин организм. Они цеплялись к нему одна за другой. Сначала скарлатина, затем корь и воспаление легких, потом весь набор детских хвороб типа краснухи, свинки. Только все эти напасти минули, как воспали-

лась слюнная железа, и шею раздуло до размера детского мячика. Точку в череде болезней поставила мама, уронив на голову сыночка солидный деревянный карниз для крепления тюлевых занавесок. Было много крови, паники и слез. Лешка неделю ходил как индус, его голова была щедро замотана бинтами.

На память от травмы остался у Лешки на лбу солидный шрам. Будучи в возрасте, Лешка предполагал, что не только снаружи, но и под черепушкой, на коре мозгового полушария ребенка остался след от воздействия карниза. Иначе чем объяснить, что в голове малыша стали возникать такие не детские вопросы как, например: зачем живет человек?

Все болезни, которыми страдал Лешка были либо тяжелыми, либо заразными, поэтому он почти год просидел в своей комнате. А это очень скучно и тягостно. Ни тебе айпеда, как у нынешних детей, ни телевизора, ни плеера, ни компьютерных игр. Единственная отдушина – детские передачи, которые по утрам транслировал черный репродуктор «Рекорд».

Прослушав сказку про Аладдина и его волшебную лампу, поиграв незамысловатыми игрушками, малыш забирался на широкий подоконник и начинал изучать улицу, хотя объектов для изучения было не так уж и много. Разве что трамваи. От них исходило много шума, особенно, когда «двойка»

выворачивала с набережной Карповки на Кировский. Визгу и скрежету было на всю округу: видать из-за крутого поворота.

Кроме трамваев интересовали Лешку похоронные процессии. Он их насчитывал до десяти за день. Гроб ехал либо на катафалке, влекомом парой лошадей, либо на грузовике с опущенными бортами. За гробом следовали опечаленные родственники покойного. Процессию, как правило, замыкали несколько дядей с трубами, которые, под буханье большого барабана, выдували что-то печальное.

У Лешки, ежедневно наблюдавшего такие шествия, постепенно сформировался вопрос: «Зачем эти люди жили, когда все равно умерли?»

Вот так, в результате черепной травмы и скорбных шоу озадачился ребенок проблемой о смысле жизни. Он стал тревожно часто допекать маму и папу вопросами, совершенно несвойственными детям в его возрасте. Приставал он с подобными вопросами и к бабушке. И если бабушка охотно разъясняла внуку, что у человека есть душа, что человек живет для того, чтобы угодить боженьке, и если он угодит, то душа после его смерти улетит в рай, то родителей такие вопросы ставили в тупик.

Действительно, зачем живет человек? На этот вопрос все отвечают по разному

Коммунисты говорят – чтобы бороться за светлое будущее.

Капиталисты считают – чтобы делать деньги.

Конфессионисты думают – чтобы славить бога.

Эпикурейцы и их последователи уверены – чтобы наслаждаться жизнью.

Простые люди – чтобы прокормить семью и вырастить детей.

В общем, вопрос темный и неопределенный. Поэтому родители не стали Лешке ничего объяснять. Они сказали ему, что ты, мол, еще маленький, вот станешь большим – сам все поймешь. А между собой порешили, что сына, для отвлечения его от странных размышлений, необходимо вытащить из уединения и внедрить в какой-нибудь ребячий коллектив.

Первым делом Лёшка был устроен в очаг, который находился в том же доме, где он и жил. Этот пятиэтажный дом был очень интересным. Его, ещё до революции, построил эмир бухарский. После же революции в нём устроили коммуналки, в которые поселили трудящихся.

В семь лет Лешка пошел в школу. И началась интенсивная и интересная жизнь. Лешку приняли в октябрята. «Звездоч-

ка» выбрала его своим вожатым. Он стал редактором «Бюллетеня», влился в коллектив художественной самодеятельности. Над октябрятами шествовали пионеры, которые разруливали разные сложности, возникавшие в «звездочках» и всячески поддерживали и защищали своих подопечных.

Кроме официальных, октябратских занятий можно было на заднем дворе школы развлечься и частным образом, например, поиграть на деньги в такие игры как «чика», «пристеночек», «котёл». Как бы валютой была медь. Но для огольцов пятаки и алтыны были истинно валютой, поскольку за 20 копеек можно было купить мороженное типа «Маня», «Ваня». А ещё можно было подраться «до первой крови», можно было на заборе написать что-нибудь этакое.

Лешка, выросший в Алексея Барсукова, очень жалел теперешних школьников, которые не были и никогда не будут октябрятами. А еще он не любил либералов, которые ехидничали по поводу октябрат и пионеров. Барсуков не понимал откуда эта желчь. Может быть им в детстве из-за каких-то причин (может быть этнических) было не очень комфортно ни в «звездочках», ни в пионерлагерях.

А ведь октябрат и пионеров учили только хорошему:
Быть честным.
Быть добрым.

Помогать товарищу.

Хорошо учиться.

Уважать старших.

Наверное все хорошее доходило до детей и делало свое дело. Наверное, поэтому школы при коммунистах не обносили, как теперь, железными оградами с охранником на проходной. Наверное, поэтому советские школьницы не убивали своих одноклассниц, поэтому мальчикам даже на ум не могла прийти мысль, чтобы избить учительницу или учителя, поэтому в стране Советов юноши не расстреливали в школе своих товарищей.

Либералы громко сетуют на то, что кампания по десталинизации провалилось. Один умный человек посоветовал им: «А, вы делайте всё лучше Сталина, тогда и кампаний никаких проводить не придется».

Годы прошли, а детский бзик относительно смысла жизни, очевидно, не испарился. Иначе чем объяснить, тот факт, что Барсуков, заканчивая десятый класс, решил поступать в Университет, чтобы выучиться на философа.

Он так бы и сделал. Но тут вмешался один умный жилец коммунальной квартиры, в которой жил и Лешка. Этот жилец преподавал сопромат в Военно-морском училище.

Узнав, что Барсуков собирается изучать философию, он прочитал ему маленькую лекцию: «Алексей, не порть себе жизнь. Философия – это не наука. Она ничего не выводит, ничего не доказывает. Если представители точных и естественных наук одаривают человечество разными вещами, которые облегчают и улучшают жизнь, то философы ничего не выдают на гора: сплошное бла-бла-бла. Философия – это бесплодная смоковница: цветов много – плодов нема. Настоящий мужчина должен не трепотней заниматься, а делать дело».

Послушался Барсуков умного человека. Не пошел он в философы, а подался в моряки. После окончания Высшего Военно-морского инженерного училища служил он на кораблях Черноморского флота и не заморачивался философскими проблемами. Ему было ясно, что смысл его жизни – это защита отечества.

В наше время патриоты осуждают армию и флот за то, что они в девяностые не защитили, как клялись, принимая присягу, социалистическое отечество. Здесь патриоты поступают неправильно.

Во-первых, армия предназначена для отражения внешних нападков и стрелять в собственный народ – это не её предназначение. А то, что Ельцин науськал танкистов на расстрел

парламента, так, что с него возьмёшь – бухарик.

Во-вторых, в присяге говорится: «...Я всегда готов по приказу Советского Правительства выступить на защиту моей Родины – Союза Советских Социалистических Республик и, как воин Вооруженных Сил, я клянусь защищать её мужественно, умело, с достоинством и честью, не щадя своей крови и самой жизни для достижения полной победы над врагами».

Вот такого приказа от правительства Советская Армия не получила.

Бухтят о смысле жизни

Философы, как дети

Бухтят, не понимая, что смысла вовсе нет!

Людишки словно слизни

Прижились на планете,

А космосу, вселенной до них и дела нет!

ЛЮБА ЖЕЛЕЗНОВА

Розетка на потолке парадной

У царского генерала Давлетшина, семья которого жила до революции на втором этаже дома эмира Бухарского, было три дочери: Вера, Надежда, Любовь. Две первые девушки были полноправными членами семьи, а Люба была изгоем. У неё и фамилия-то была не такая как у всех домочадцев, то есть, была она не Давлетшина, а Железнова.

В шестнадцать лет Любушка безоглядно влюбилась в корнета Николая Железнова. Любовь была взаимной и плодотворной: девушка вскоре забеременела, но еще не догадыва-

лась о таком подарке судьбы.

Начинался июнь. Полк, в котором служил Железнов уходил в летние лагеря под Красное Село. При расставании влюбленные договорились обвенчаться сразу же после возвращения корнета из лагерей. Но тут германец напал на Россию, и полк Железнова был прямо из лагерей брошен на позиции.

Только месяц и провоевал корнет. В одном из боев он был ранен и скончался в полевом госпитале. Любушка, узнав о смерти возлюбленного, впала в протрацию, а когда проявились признаки беременности, два раза пыталась покончить с собой, но бдительная Ксения Азизовна, мама Любушки, оба раза предотвращала несчастье.

Когда жена генерала сообщила Давлетшину о беременности Любы, тот взъярился и приказал обратиться к медикам, чтобы прервать беременность. Ксения Азизовна сказала, что уже поздно.

И по мусульманским понятиям, и по великосветским взглядам внебрачный ребенок – позор для семьи. Чтоб избежать позора, генерал отрекся от падшей дочери. Её отделили от остальных членов семьи, поселив в маленькой комнате для прислуги. Любе запрещалось появляться на приемах,

которые часто устраивались в доме Давлетшиных. Ей не разрешалось участвовать в семейных трапезах. Она потребляла пищу, которую приносила ей горничная, в своей комнатухе.

Вере и Наде было категорически запрещено общаться с опальной сестрой. Попытался генерал распространить такое запрещение и на жену, но Ксения Азизовна резко отпарировала по-татарски: «Это моя дочь. Здесь ты мне не указ!»

Любе сменили фамилию. Она выбрала для себя фамилию своего погибшего возлюбленного и стал Железновой.

В конце зимы Люба благополучно разрешилась от бремени, родив мальчика. Его называли Николаем. Презрев отцовский запрет, Вера и Надя массу времени проводили в Любиной комнате забавляясь с малышом и помогая сестре ухаживать за ребенком.

Только три месяца питался Коленька материнским молоком, после чего он был отнят от груди и сдан в сиротский приют.

Для нежной, юной психики такие мощные потрясения как смерть любимого человека, изгнание из семьи, разлука с сыном были непереносимы: Люба стала сходить с ума. Она то

сидела в оцепенении, то подолгу разговаривала с Николаем, то напевала Коленьке детские песенки.

Профессор, обследовавший Любу, заявил, что девушке необходимо поместить в психиатрическую лечебницу. Но тут приспела революция. Она, как благодатный дождь смыла черный морок с Любиной души, к тому же исчезла гнетущая власть отца. Он перешел на сторону красных и погиб в 19-ом под Псковом. О чем Люба особенно не жалела. Первым делом Люба вызволила своего Коленьку из сиротского приюта, и они в своей маленькой комнате стали храбро преодолевать послереволюционные трудности. А трудностей было много.

Во-первых, в квартире появилось много чужих людей. Это власти «уплотнили» Давлетшиных в самую большую комнату их бывшей квартиры, а остальные комнаты и помещения перегородили фанерными переборками на четырнадцать пеналов и поселили в них четырнадцать трудовых семей. Генеральской дочке было очень трудно налаживать контакты с женами пролетариев.

Во-вторых, свирепствовала безработица. Но Любе повезло. Поработав на нескольких временных работах, она устроилась на постоянную работу в типографии «Печатный двор», что на Геслеровском проспекте. Коленька был определен

в детский очаг, который находился в том же доме, где они и жили. Очаг занимал среднюю часть дома. Там прежде должен был располагаться эмирский гарем.

В третьих, наступил голод. На детскую карточку, как деликатес, выдавали кукурузную муку. Спасибо маме: она сдавала семейные драгоценности в Торгсин в обмен на продовольственные товары, которыми делилась с Любой.

Однако, жизнь постепенно налаживалась и становилась все интересней. В Большом поставили «Красный мак» Глиэра.

Опубликованы три тома «Тихого Дона».

Заработала гигантская Магнитка.

Возвели ДнепрогЭС.

Вступил в строй Беломорканал.

Страна зачитывалась романом «Как закалялась сталь».

Пышно встретили героев-челюскинцев.

Вышли на экраны «Чапаев» и «Веселые ребята».

Началось стахановское движение.

Мухина создала скульптуру «Рабочий и колхозница».

Чкалов с Байдуковым и Беляковым совершили беспосадочный перелет по маршруту Москва-Северный полюс-Ванкувер.

Страна гостеприимно встретила 2 895 испанских детей.

Отражено вторжение японцев у озера Хасан.

Папанинцы завершили работу на дрейфующей станции «Северный полюс-1».

Жуков разгромил японцев у реки Халкин-Гол.

СССР вернул ранее утерянные российские территории: Прибалтику, Западную Украину, Западную Белоруссию.

Подписан Советско-германский договор о дружбе и границе.

Красная армия вступила в Выборг.

Страна приросла Карельским перешейком.

Все эти яркие события (и многие другие: всех не перечесть) произошли за какие-то десять лет правления коммунистов. Эти бурные, творческие десять лет являются горьким укором демократической России, где за двадцать пять лет либерального правления ничего заметного кроме войны со своими же гражданами в Чечне и миллиардного ограбления казны не происходило.

Конечно, имелось и исключение из правила – исправление Путиным дурной ошибки Хрущева, что было жарко одобрено и собственно в Крыму и в России.

В эти четверть века особенно жалко выглядела так называемая творческая интеллигенция, которая прежде выпрыгивала из штанов, требуя свободы творчества. Мол при свободе-то мы создадим нетленки, шедевры, классику.

Дали свободу, сняли цензуру, ну и что? А ничего. И в кино, и в литературу, и в драматургию влилась сомнительная струя чернухи, секса, обнажёнки. Чудаки! Разве удивишь Европу голой попой? А при Советах-то имели мы и золотые пальмовые ветви, и золотых львов, и Нобелевские премии.

Налаживалась жизнь в стране, налаживалась она и у Железновых. Люба заочно закончила Полиграфический техникум и стала мастером-бригадиром. Дети в генеральской квартире её просто обожали. Она приносила им вороха детских книжек с цветными картинками. Правда, листы были не сброшюрованы и с типографским браком, но это не портило детям настроения.

Коля Железнов закончил школу и очень захотелось стать военным летчиком. И мама, и сын, из-за непролетарского происхождения Коленьки, очень сомневались в возможности его поступления в военное училище. Однако, все обошлось. В анкете Николай указал, что он выходец из рабочей семьи, что его мать – работница типографии «Печатный двор», а отец погиб на Империалистической войне. И это было чистой правдой.

Это удивительно, но злодейка война благосклонно отнеслась к Железновым.

В первый же день войны самолеты полка, где служил Железнов, были сожжены в результате налета немецкой авиации. В беспорядочном потоке отступающих войск Николай дошел до Минска. Побывав два раза в окружении, он все-таки вышел к своим. Всю войну провоевал он на штурмовиках. Закончил войну командиром авиационного полка.

Люба Железнова избежала ужасов блокады. В июле наиболее ценное оборудование «Печатного двора» и его основные кадры были эвакуированы а город Молотов (ныне Пермь). Была эвакуирована и Люба. В город эвакуированные вернулись после разгрома немцев под Ленинградом.

На фоне трагической судьбы сестер (Вера повесилась, Надя отравилась), судьба Любы – это пригоршня счастья. В пятидесятые годы она переехала в Москву, чтобы быть ближе к Коленьке, который стал какой-то шишкой в военном министерстве. Судьба и дальше была благосклонна к Железновой: она не дожила до проклятых девяностых.

Мы жили в девяностых,
Вернее загибались.
Уж кладбищ не хватало, полезли на поля.
Знамён пропала алость.
Зато «Рояля» вдосталь.
Упало производство почти что до нуля.

ПРИМЕР ОТЦА

Переход на задний двор

Лёшенька подрос настолько, что мама стала посылать его в булочную за хлебом. Поручение не обременительное, тем более, что булочная находилась рядом, в том же квартале, где и дом, в котором жил Лёшка.

И не только не обременительное, но и приятное. В булочной можно было поглазеть на роскошные торты, на аппетитные пирожные, из которых он больше всех любил эклеры, поскольку в них крема много. Однако, мама, когда он стал

ходить в школу, покупала ему на школьный завтрак песочное пирожное или глазированную булочку, полагая, что от эклеров он растолстеет.

Воскресение разгоралось. Мама пекла блины. Блины Лёшка тоже любил. Сначала с растопленным маслом, потом со сметаной и в конце с вареньем.

После такого завтрака можно было, взяв самокат, на целый день смыться во двор. В доме 44б двор был очень хороший. Он состоял из трёх дворов: переднего, выходявшего на Кировский, среднего двора-колодца и заднего двора. Дворы соединялись друг с другом сводчатыми переходами. Для детворы было полное раздолье.

В ожидании блинов Лёшка представлял какую они сегодня с огольцами устроят чинную войну на самокатах. У большинства Лёшкиных товарищей самокаты были самодельные, у которых роль колёс выполняли большие шарикоподшипники. Самокаты гремели здорово, но большую скорость не развивали. А у Лёшки самокат был покупной на узких колёсах, и на нём можно было развить большую скорость, почему Лёшку всегда и выбирали в разведчики, хотя хотелось ему быть начальником штаба. На роль Чапаева Лёшка не претендовал. Она всегда предназначалась Олегу, так как у него был настоящий авиационный шлем, подаренный ему

братом-летчиком, отличившимся на Халкин-Голе.

Мечтания мальчика прервала мама:

– Сынок, сбегай за хлебом.

Лёшка засунул авоську в карман и осведомился:

– Что купить?

– Халу, три сайки и пол кирпичика.

Мама дала деньги и Лёшка исчез. С выполнением маминго задания у Лёшки вышел прокол. Кода он, отоварившись в булочной, подходил к дверям своей квартиры, из-за лифта выскочили два хмыря лет под пятнадцать.. Один из них выхватил из Лёшкиных рук авоську с хлебом и они оба скатились на улицу. В Ленинграде уже не было беспризорников, но шпаны хватало.

Это было очень печально, что гады отняли хлеб, но главная печаль состояла в том, что мама не поверила рассказу сына об ограблении, а высказала предположение, что Лёшенька все это придумал, а деньги потратил на сладости.

От обиды сжалось маленькое сердце, слёзы буквально

хлынули из глаз, он стал задыхаться в рыданиях. Папа поспешил на помощь:

– Перестань, зайныка, не плачь. Мама пошутила. Она просто не знает, что шпаны в городе развелось не меряно...

Рыдания стали затихать. Папа усилил давление:

– А. хочешь мы все пойдём в Народный дом.

Лёшка притих, а папа продолжил: – Покатаемся на американских горках, пирожков вкусных поедим, мороженого... И, вообще, по развлекаемся.

Слёзы исчезли, появилась даже улыбка. Это ж так неожиданно и здорово. Особенно американские горки. Он уже один раз на них катался. С мамой. Жуть!, Мама даже визжала. Семья Барсуковых развлекательную программу выполнила и перевыполнила. И на горках покатались, и мороженого поели, а ещё осмотрели выставку голубей и в концертном зале послушали выступление джаз-оркестра. Лешке концерт понравился. Особенно восхитили его блестящие черные туфли на ногах музыкантов.

Стемнело. Зажглись разноцветные огни и Барсуковы собирались домой. Тёмным парком они прошли до трамвай-

ной остановки, сели на тройку и покатали в сторону Карповки.

Когда подходили к дому, папа обнаружил, что он забыл ключ от квартиры. Решили не звонить, не беспокоить соседей, а пройти через черный ход. Там дверь всегда открыта.

Прошли передний двор, прошли тёмный средний двор, а на проходе в задний двор их встретили два типа, один из которых в матерных выражениях потребовал, чтобы папа-Барсуков снял пальто.

Папа развернулся и стал медленно вытаскивать правую руку из рукава, а вытащив, неожиданно нанёс прямой удар в лицо типу. Второй, поспешивший на помощь, получил удар головой.

Пропустив маму вперёд, папа схватил Лёшку за руку и они дружно побежали к чёрному ходу.

Дома мама выговаривала папе:

– Гошенька, зачем ты так рисковал. Отдал бы пальто да и всё. Ведь порезать могли бы.

– Ты, что, мать? Ведь на меня сын смотрел!!!

Радовался жизни мальчуган:
Попадались вишенки в компоте,
Газировки пенистой стакан
За копейку наливала тетя.

Подарили чинный самокат:
Шарикоподшипники на свалку.
Чтобы развивалась смекалка,
Покупают рижский шоколад.
И с утра во двор, где детский гвалт,
Где как в фильме, красные в атаке.
Впереди Чапаев, алый флаг.
И сплошные споры, вплоть до драки.

Нынче наши все дворы немые.
Не звучат ни смех, ни крик, ни песни...

Без стрелялок, телека и пепси,
Все-таки звончее жили мы...

СТАРОЕ ФОТО

Фрагмент решётки

До шести лет Лёшка ходил в баню, что на Карповке, с мамой, а как стукнуло мальчику шесть, папа стал брать его мыться с собой. Карповские бани состояли из двух корпусов в два этажа. В одном корпусе были мужские отделения, в другом – женские. В каждом отделении имелся обширный гардероб с широкими стеллажами.

Одним из важных банных принадлежностей была простыня. Но ею не вытирались. В неё заворачивали пальто, одеж-

ду и обувь. Этот большой узел сдавался на время помывки гардеробщику.

До появления персональных шкафчиков таким способом уберегали одежду от воровства. В то скудное время воровали всё, даже чулки, а уж о штанах, пальто и говорить нечего.

Вот и у Лешки каким-то образом вытащили из банного узла пальто. Пальто было новое, только что купленное для школы, в которую Лёшка должен был пойти этой осенью.

Папа с расстройства из-за пропажи пальто прошелся в фойе бани к пивному киоску и заказал «большую тёплого». Продавщица ручным насосиком подкачала воздух в бочку, открыла кран и потекло в гранённую кружку настоящее пиво. Заполнив кружку неполностью, продавщица долила её нагретым пивом из ковшика (был такой сервис).

Дома папе досталось. Мама его отругала и за пиво, и за пальто. Однако. ругайся- не ругайся, а пальто нужно было вновь покупать. Нужно-то нужно, да где ты его купишь? В то трудное время с детской одеждой были проблемы. Да и не только с детской, но и со взрослой. Да и не только с одеждой.

Стало известно, что в Двухэтажку на Большом завезли

детские пальто. Сразу же люди стали записываться в очередь. Записалась и мама. Потом папа ходил несколько раз отмечаться. Отмечание – это очень важная операция. Если не отметишься, то тебя вычеркнут из списка очередности.

Пальто всё-таки купили. Это было могучее сооружение из толстого сукна и нескольких слоёв ваты, украшенное воротником из жесткого, серого искусственного меха. А ещё мама купила большой коричневый портфель, букварь, пенал и тетради в клеточку и в косую линейку. Лёшка без конца перебирал эти интересные вещи и не мог дождаться своего первого похода в школу.

Однажды его облачили в это зимнее пальто, надели на голову большую ушанку, дали в руки портфель и, поставив в профиль перед натянутой простынёй, стали фотографировать. Фотографировал папа. Он велел сыну сделать шаг вперед (якобы идёт в школу) и застыть.

Фотоаппарат был замечательный. Он представлял собой маленькую камеру-обскуру, выполненную то ли из фанеры, то ли из картона, которая была оклеена зелёным дерматином. Впереди была линза, сзади – матовое стекло размером с игральную карту, на которое проектировалась перевернутая картинка. После выбора объекта съёмки в аппарат вставлялась кассета со стеклянной фотопластинкой и делал-

ся снимок.

Наконец наступил желанный день: мама повела его в школу. Лёшке понравилось ходить в школу, где седая и ласковая Клавдия Петровна неспешно обучала детей грамоте. Сначала первоклассники писали палочки, потом крючочки, затем элементы букв и наконец – сами буквы. К новому году они уже могли написать: «Мама мыла раму». А еще научились считать до ста и производить арифметические действия с помощью цветных палочек.

Про маму могли написать все кроме Петьки Игрунова, сына дворника из дома 44в. Грамота давалась ему с большим трудом. Дети его дразнили: «Петрушка-Игрушка, в голове хлопушка!»

А потом все стали октябрятами. По октябратским правилам октябрёнок должен не дразниться, а помогать товарищу. Вот все и начали помогать Петьке, да так хорошо, что и он к концу года смог написать про маму и раму.

Лёшка Барсуков по жизни заметил, что тупакам везёт. Вот и Петрунову повезло выжить в блокаду (его папа развозил на своей двуколке хлеб по булочным), а круглой отличнице Зое Сахарновой не повезло. В блокаду, вообще-то, мало кому везло. Из всего Лёшкиного класса после разграма

немцев под Ленинградом в наличии осталось четыре человека. Не все погибли, конечно, многие эвакуировались, но почему-то, за исключением двух мальчиков, они не вернулись в Ленинград. Наверное, не к кому было возвращаться.

И Лёшке, хотя он и не был тупаком, повезло тоже. Перед самой войной они с мамой уехали на лето в деревню. Вот и повезло не попасть в жуткий ленинградский миллион. Нынешнему люду невозможно представить эту адскую картину. Каждый день в среднем гибли по две тысячи человек. Таких жертв не было даже на самых кровопролитных участках фронта.

Сейчас мягкотелые люди сомневаются: стоил ли Ленинград таких жертв, не лучше ли было сдать его немцам? Это вопрос типа: защищать ли дочь от нападения насильника или пусть уж он ею попользуется. Для ленинградцев такого вопроса не существовало.

Прошли годы. В память о довоенном детстве уцелел у Барсукова снимок, сделанный его папой с помощью примитивного аппарат. На сильно пожелтевшей, а местами и коричневой, карточке делает шаг малютка в тяжёлом пальто до пят (пальто покупалось «на вырост»). В руках к него большой портфель до пола. Наивное личико чуть видно из-под нахлобученной на голову ушанке.

Каждый раз при разглядывании этого снимка у Барсукова сжималось сердце и хотелось заплакать. Ему было до боли жаль этого малыша, который сделал первый шаг в жизнь, совершенно не предполагая, что это будет не жизнь, а сплошная полоса препятствий с шумовыми и дымовыми эффектами.

Пролетела жизнь и слава Богу!
Все изведаль, всё, что только мог.
До всего коснулся понемногу,
Только вот не угодил в острог.
Голубых зачёков не изведаль,
Ну и олигархом тоже не был.

А судьба меня нисколько не жалела.
Погибал в воде горел в огне.
Умудрился выжить. Это дело!
Жить же лучше, чем лежать в земле.
Видно мама за меня молилась.
Или всё само собой случилось.

И до генерала не добрался.
Президентом быть – не мой удел.
Видимо не очень-то старался,
А, скорее, просто не хотел.
Хорошо бы жизнь прожить по новой,
Избежав рутины бестолковой.

КЕРОСИНОВАЯ АВАНТЮРА

Декоративная деталь Пионерского моста

Заболел Лёнька и его сестра Неля. И девочки Баловы заболели. Ну, конечно, и Васо заболел. Куда ж без него? Он всегда чем-нибудь болел. Васо ходил с замотанной пуховым платком головой, потому что его мама считала необходимым держать воспаленные слюнные железы ребенка в тепле.

Свинка – очень заразная болезнь, поэтому Лёшку из комнаты на коридор не выпускали. И других детей, которые были здоровыми, тоже не выпускали. А в коридор выйти хотелось. Коридор манил. Там во всю резвилась вся свинушная

компания.

Раньше свинку не лечили, да и сейчас-то вроде не лечат. Она через 5—6 дней проходит сама. Наверное болезнь у детей уже прошла, потому что крик стоял на коридоре здоровый.

Вошла мама:

– Лёша, сбегай за керосином, а то кончается.

Лёшка оживился. Еще бы! Поход в керосиновую лавку – это событие.

– Сколько брать?

– Возьми два литра. Иди через черный ход, а то швейцариха будет ругаться. Да с Баловыми не связывайся – они разные.

Еще чего? Связываться с этими малявками. Он же уже большой. Через месяц в школу пойдет. В первый класс. Мама ему уже и портфель купила и пенал со вставочкой и перышками, и тетради в косую линейку и в клеточку.

Лешка схватил жестяной бидончик, скатился по лестни-

це и, пройдя пустынные дворы, вышел на Кировский. И сразу же впечатления. У входа в пивную стояли три дяди и громко ругались друг с другом. Лешка остановился и стал с интересом впитывать незнакомые слова и выражения. Но тут подошел дворник дядя Миша. Он что-то сказал дядям и те разошлись.

Раньше-то дворник был авторитетной личностью. В белом фартуке, с медной бляхой. Настоящий хозяин придомовой территории. Дворники не только днем, но и ночью были хозяевами, дежуря по очереди на улице, каждый вдоль своего квартала.

Лешка пошел дальше. На набережной Карповки понаблюдал как народ, спешивший на вечернюю смену, штурмовал двойку. Когда вагоны переполнились, вожатая звякнула пару раз, и трамвай, увешанный человеческими гроздьями, тронулся.

Лешка знал почему народ стремился втиснуться в трамвай. Люди боялись опоздать на работу. Тех, кто опаздывал, отдавали под суд. Таков был Указ. Под этот Указ попал в конце сороковых и Лёшка. Он тогда уже работал токарем на заводе «Линотип» и однажды опоздал на работу на 23 минуты. Народный судья определил ему наказание: шесть месяцев исправительно-трудовых работ по месту работы с удержанием

из зарплаты 25%.

В соответствии с Указом от 26 июня 1940 года такое же наказание полагалось и за прогул. Таким образом, крикливые заявления либералов, что в Союзе за опоздание на работу, а тем более за прогул, сажали в тюрьмы и отправляли в лагерь – есть злонамеренная ложь.

Теперь нужно было перейти Карповку. Недавно через эту речку построили (вместо ветхого деревянного) каменный мост и назвали его Пионерским. Деревянный-то назывался Силиным мостом. Кто такой Силин, и почему в честь его назвали мост, никто не знал. Поэтому современное, мажорное название нового моста всем понравилось. И мост понравился: ну просто красавчик. Особенно хороша была решётка моста. Там на бронзовых пластинах пионеры играли в мяч, трубили в горны, запускали авиамодели. Лешка решил, что когда он подрастёт, то обязательно станет пионером. Это ж так интересно. Там у них и барабаны, и форма, и салют.

Мечта пацана сбылась. В пятом классе его приняли в пионеры. От пионерского периода в душе у Лёшки остался светлый след. Уже в пожилом возрасте он безмерно удивлялся тому, как либералы злобно чернили пионерию. Особенно доставалось пионерским лагерям. Почему? Ведь пионеров учили только хорошему. И оздоравливали, и прививали полезные

навыки, и развлекали.

Барсуков решил, что теперешние либералы и в детстве были либералами (эгоистами, критиканами, склочниками), а это не нравилось пионерам и последние чмурили либеральчиков. Вот у них и остались темные воспоминания от пионерского детства.

Следующим после моста объектом на пути к керосиновой лавке была детская поликлиника. Она располагалась в красивом двухэтажном особняке, который власть отобрала у какого-то советника.

Лёшка это здание не любил. Там ему делали уколы, прививки и другие неприятные вещи. Да, в добавок, особняк был окаймлен большими гранитными шарами, на которых лежали черные чугунные змеи. А змей Лёшка очень боялся.

В особняке, выстроенном в стиле римской виллы, после детской поликлиники (её переместили на Левашовский), размещался кожно-венерологический диспансер, а затем врачебно-физкультурный диспансер. Из-за деятельность многочисленных хозяев особняк лишился внутреннего декора. А жаль!

Сразу за поликлиникой располагалось очень приятное за-

ведение – большой кондитерский магазин. В дальнем зале торговали хлебом и булками и Лёшку он не интересовал, хотя там, наравне с караваем и батонами, продавались такие редкие в наше время хлебо-булочные изделия как сайки, калачи, французские булки, халы с маком.

А вот передний зал был для детворы местом обетованным. Там красовались роскошные торты, рядами лежали пирожные, горы конфет, колонны из баранок, сушек, сухариков, пряников.

Лёшка не утерпел и заглянул в магазин. Его волновали не кремы и не шоколад. Лёшку интриговали большие квадратные пряники, облитые глазурью. Он знал, что внутри пряников находится варенье и что пряники исключительно вкусные.

Пацану нестерпимо захотелось отведать аппетитных пряников. Чтобы свое желание удовлетворить, он решил провернуть авантюрную комбинацию.

В керосиновой лавке торговали не только керосином. Там можно было купить запасные части для примусов и керосинок, иголки для прочистки ниппелей, краску и мастику для натирки полов, разнообразные щетки и кисти. Но основным товаром был конечно же керосин. Им была наполнена большая прямоугольная ванна, смонтированная в прилавок.

Продавец мерной емкостью с рукояткой зачерпывал керосин и с помощью воронки заливал его в бидончики покупателей.

– Сколько тебе, парень? – спросил у Лешки продавец.

– Литр и еще половину литра, – ответил парень.

Продавец налил и отсчитал сдачу.

Вот в этом-то и заключалась Лешкина авантюра. Бидончик же жестяной, значит мама не увидит сколько керосина в него залито. А на полученную сдачу можно купить пряник. Авантюрист так и поступил.

И только на Пионерском мосту, когда пряник был уже съеден, Лёшку обожгла ужасная мысль: «Я ж у мамы деньги украл!» Подавленный и растерянный он пришел домой.

Мама сразу заметила, тревожное состояние сына, но ничего выпытывать не стала. Она решила выждать. И очень правильно решила.

Ближе к вечеру Лёшка весь в слезах и соплях захлебываясь и рыдая сам всё рассказал маме. Мама, успокаивая, нежно поглаживала его по голове и приговаривала:

– Успокойся зайнышка, успокойся. Это ты очень хорошо сделал, что во всем признался. Я надеюсь ты больше никогда не будишь присваивать чужие деньги, вещи.

– Никогда, мамочка, никогда!

– Ну, и очень хорошо. Ты знаешь, приходила доктор Радченко. Она осмотрела наших больных и сказала, что они уже не заразные. Так что можешь идти на коридор и играть с ними.

Лёшка радостный выскочил в коридор «на новенького», где народ с азартом играл в прятки.

Кстати, Барсуков уже в перестроечное время заглянул в Вику и узнал, что Силин, в честь которого назвали деревянный мост через Карповку, был кабатчиком. Он около моста держал питейное заведение. А заинтересовался Барсуков этой личностью по той причине, что либералы-демократы переименовали Пионерский мост. Теперь он снова зовется Силиным мостом, то есть кабатчик для либералов оказался более приятной фигурой, чем вся советская пионерия. Каз-з-злы!

Каждый мост в Петербурге историей дышит.

Каждый мост весь в легендах, в стальных кружевах

Но чиновников это сосем не колышет
Им, что Силин, что Мылин, что бес олигарх.

Комсомольский мост стал Харламовым мостом, Пионер-
ский мост стал Силиным мостом. Мост Гриневицкого – Ко-
нюшенным мостом. Кировский мост стал Троицким мостом.

ВАСО-КОЛБАСО

На всех этажах красуются греческие вазы

В комнате возле кухни проживала грузинка Кукуладзе с сыном Васо. Разумеется, на коридоре и во дворе сын Кукуладзе был никакой не Васо, а Васо-колбасо, гога, а еще – гоголь-моголь. Ребенок любил это кушанье, и мама каждое

утро сбивала ему два желтка.

Может от избытка белков и углеводов, а может из-за наследственности был Васо не то чтобы жиртрестом, но довольно пухленьким мальчиком. Мама одевала сына в просторные белые рубашки, а на шею повязывала черный бант, из-за которого изливались на бедного гогу потоки мальчишеского ехидства.

Васо несколько раз пытался избавиться от банта, но мама такие попытки резко пресекала. Она видела своего сына поэтом или писателем, а для таких людей бант – это то, что надо.

Мамины надежды на поэтическое будущее сына зиждились не на пустом месте. Васо посещал детскую секцию Творческой студии при Промке. Он, побуждаемый мамой, сочинял стихи типа:

На улице дождик идет.
Мама мне кушать даёт.
Чаю немного попою,
Лягу в кроватку свою.

Мама вздохнув читала стихи сына на общественной кухне и женщины солидно соглашались: «Да, у мальчика есть талант».

Год от года навыки стихосложения крепили и однажды Васо выдал стихотворение о своей коммуналке. Понимая, что оно не вполне совершенно, он отнес его для правки к Зинаиде Яковлевне. Она считалась в квартире большим филологом и интеллектуальным авторитетом.

После правки стихи не потянули на классику, а очарование детскости потеряли. Тем не менее жильцы с интересом знакомились с виршами, которые начинались с описания потолочной лепнины:

Сел на стул, как барин, глянул в потолок
Слева голый парень, справа пара ног
Стены из фанеры – это не уют:
Слева жрут эклеры, справа водку пьют.
Заглянул на кухню, примусы ревут.
Слева рыба тухнет, справа редьку трут.
Руки не помыты: двое держат кран.
Слева дед Никита, справа Марь Иванн...
Коридор покатый, весь исшаркан пол.
Слева самокаты, справа бой в футбол.
Потерпи немного, занят туалет.
Слева мнется Гога, справа – Лисабет.
Раз, два, три, четыре.
Нечего тужить.

Хорошо в квартире коммунальной жить.

Васо хоть и не очень поэтично, но кратко и точно выразил суть коммуналки, созданной в бывшей генеральской квартире и вместившей в себя четырнадцать трудовых семей.

Коммунисты путем «уплотнений» и выселения «лишенцев» образовали в Ленинграде тьму коммунальных квартир. К 1926 году только 24% отдельных квартир занимала одна семья, остальные квартиры были коммунальными. Хотя в народе все эти квартиры назывались одним словом – коммуналки, все они были разными, каждая имела свой характер. Однако, грубо их можно было разделить на две группы: злокачественные коммуналки и доброкачественные коммуналки.

Символом злокачественной коммуналки, где все против всех, была кастрюля, крышка которой крепилась к корпусу с помощью петли. В передней части кастрюли имелись накладка и пробой для навешивания замка. Такая кастрюля защищала суп от плевка соседки или от подсыпания «доброжелателем» какой-нибудь гадости.

Признаком злокачественной коммуналки было большое количество электрических лампочек на общественной кухне (по числу семей). Каждый, входя на кухню, зажигал свою

лампочку, даже если на кухне уже горело несколько лампочек.

Символом доброкачественной коммуналки, где все против одного, служила одинокая кнопка на входной двери, которую визитеры, для вызывания звонка, нажимали столько раз, сколько хотели.

Признаком доброкачественной квартиры были дети, играющие на коридоре.

Жизнь показала, что чем больше семей живет в коммуналке, тем коммуналка доброкачественнее.

Генеральская коммунальная квартира была очень доброкачественная. Главным достоинством этой доброкачественной квартиры было то, что жильцы не лезли во внутреннюю жизнь своих соседей. Например: Зак Лев Моисеевич хранил в своей комнате в трех посылочных ящиках двухсотграммовые толовые шашки и никому до этого дела не было. Или Витька Иванов, который сооружал в своей комнате разборный плотик для побега из СССР, совершенно никого не интересовал.

Не обращали внимания жильцы генеральской коммуналки и на гостей Наны Кукуладзе. Усатые дяди прибывали

по одному. Нана представляла их как своих двоюродных братьев.

Прибывший брат гостил два-три дня и исчезал. Гость никому не мешал. Он уходил рано утром, а приходил поздно вечером. Чем он занимался в течение дня, никто не знал. После отъезда гостя Васо угощал детей коммуналки чудными фруктами: хурмой, инжиром, виноградом без косточек.

В коммунальной квартире вся жизнь на виду, особенно на кухне. Там всем было известно, кто, что варит, кто чем питается. Наверное, лучше всех в квартире питалась Кукуладзе. Она очень часто готовила грузинские мясные кушанья, от которых аппетитный дух витал не только на кухне, но и в коридоре. Женщины интересовались:

– Нана, что ты такое душистое варишь?

– Это чанахи. Баран и овощи. Все тушится.

– Вкусно?

– Очень. Особенно с красным вином.

– Нана, научи и нас готовить такое блюдо. Дай рецепт.

– У вас не получится.

– Почему?

– Нужно много специй, травок. Кинза, хмели-сунели, базилик, чабер, перец.

– Ну мы попробуем без травок.

– В чанахи главное – это соус. А без травок – нет соуса, а без соуса – нет чанахи. А есть просто вареный баран.

Нана покупала много фруктов. Когда она их мыла, женщины, находившиеся на кухне, с любопытством поглядывали на янтарный виноград, на налитые соком персики, на загадочные гранаты. У них-то на такие излишества денег не было.

Нана, скорее всего, нигде не работала. Хотя она и говорила, что работает лаборанткой, но большую часть времени она проводила дома, а не на работе. А если и работала бы, то на зарплату лаборанта гранатов не на покупаешься. Жильцы связывали благополучие Кукуладзе с визитами её «двоюродных братьев».

В этот раз приехали два «брата». Они пожилы два дня

и незаметно уехали. На следующий день после их отъезда, женщин беспокоил факт непоявления в общественных местах ни Наны, ни Васо. Постучали в дверь их комнаты. Никакого ответа. Толкнули дверь и присели от ужаса.

Посреди комнаты в лужах запекшейся крови лежали тела Наны и Васо.

Вот вам и доброкачественная квартира!

Это было давно. С тех пор в Неве утекло много воды, но генеральская коммуналка как и тысячи других коммуналок, все еще существует. Казалось бы при Хрущеве и позже, когда понастроили уйму пятиэтажек и панельных зданий можно было бы расселить коммуналки. Действительно, с 66 по 70 годы 809 000 человек вселились в новые дома. Ан, нет.

Чтобы получить новое жильё нужно, чтобы на каждого члена семьи приходилось не более то ли 6, то ли 8 квадратных метров. У большинства жителей коммуналок этих метров было более, поэтому, как сидели коренные ленинградцы в своих унылых коммуналках, так и остались в них сидеть, а спальные районы стали обживать лимитчики из общежитий.

В капиталистическом Петербурге тоже много строят, но для жителей коммуналок цена новых квартир – вещь неподъемная. А поэтому Вика информирует, что если в 1996 году в Петербурге было 200 625 коммунальных квартир, в которых проживали 587 099 человек, то в 2011 году число жильцов коммуналок увеличилось до 660 000 человек. Таким образом, изобретение коммунистов цветет и пахнет.

Тогда – не сейчас! В связи с убийством Кукуладзе и её сына была поставлена на уши вся милиция. Преступников поймали в Поти. В соответствии с гуманными советскими законами (гуманными по отношению к законопослушным гражданам) приговорили их к расстрелу, чтобы они больше никого и никогда не убили.

Судили негодяев в Грузии. Никого из жильцов на процесс не пригласили, но допросили всех. Когда люди спрашивали следователей, за что зарезали женщину и мальчика, те отвечали: «Тайна следствия». Так и не узнали жильцы генеральской коммуналки, в чем провинилась Нана перед «двоюродными братьями».

Целый год простояла комната, где была убита Нана, пустой. Никто не хотел селиться в страшной комнате. Тогда, по согласованию с управдомом, поставили жильцы в этой комнате дополнительные батареи и превратили её в сушилку

для белья.

Когда мама посылала Лешку в сушилку снять высохшее бельё, он шел туда с неохотой. Снимая белье, он все время посматривал в темный угол. Ему казалось, что там стоит Васо.

ЛЕТИТЕ, ГОЛУБИ

Голубятня на гараже

Длинный коридор в коммунальной квартире, а также кухня и места общего пользования убирались ежедневно. Уборка производилась жильцами по очереди от комнаты к комнате, по числу проживавших в комнате людей. Лешкина мама убиралась три дня. В приборке участвовал и Лешка. Его функция заключалась в выносе в конце дня на помойку содержимого мусорного ведра.

Во всем доме эмира бухарского, в котором и обитал Лёш-

ка, самым гадким местом был дальний угол заднего двора. Там размещалась помойка. Возле помойки было темно, противно пахло. Перед помойкой всегда стояла лужа.

Но не это коробило Лёшку, когда подходила его очередь выносить мусорное ведро. А напрягала Лешку необходимость отдавать пять копеек Ваське Ишаку, который по вечерам дежурил у помойки и встречал каждого пацана, выносившего ведро, требовательным окриком: «Гони пятак!» Таким нехитрым способом собирал Ишак за вечер до пятидесяти и более копеек.

Пятака было не жалко. Ну, что купишь на пять копеек? Но было обидно отдавать деньги ни за что, ни про что. Однажды Лёшка отказался платить дань:

– Нет денег.

– Завтра гривенник.

– А если и завтра не будет?

– Послезавтра пятиалтынный. – А если и послезавтра...

– Тогда в лоб, – не дал закончить вопрос Васька.

Утешало то, что собранные деньги Ишак тратил не на папиросы, не на пиво, а на доброе дело – на корм для голубей, которых он держал в голубятне, расположенной на крыше большого гаража, примыкавшего к помойке. А возле помойки он крутился не ради пятаков. Ежевечерне, в темное время он охранял голубятню от воров. Свой пост он покидал с заступлением дворников на ночное дежурство.

Голуби были не Васькины, а его старшего брата, который, уходя на службу в Красную Армию, передал их Ваське на сохранение.

Фамилия у Васьки была Южаков, которая у народа естественно трансформировалась в Ишаков, а отсюда и кликуха – Ишак. Учился Васька в восьмом классе. Понятно, что денег у него не было, а кормить голубей надо. Вот он и изворачивался. То у мамки покланчит, то пятаков насобирает, то выкуп подвернется.

В то время на Петроградской было много голубятников. Почти всегда в небе кружила стая, а то и две, разномастных голубей. Выпускал своих голубей и Васька. Через некоторое время он начинал свистеть и размахивать шестом с тряпкой на конце, зазывая птиц обратно. Голуби возвращались, иногда приводя с собой чужака. Это была радость: значит вскоре придет хозяин приبلудного голубя и принесет выкуп.

В этот раз в голубятню Васьки вместе с его стаей прилетели два турмана. Ишак знал чьи это птицы. Таких турманов держал Федька Кривой с Левашовского.

Федька не засек куда залетела его пара, поэтому он обходил голубятников одного за другим. Добрался он и до Васьки:

– Эй, Ишак, здорова. Мои к тебе не залетали?

– Здорова. Залетали.

– Ну, слава богу, наконец-то нашел.

Кривой по лесенке полез к Ваське на крышу гаража. Васька отворил дверцу клетки, выудил турманов и вручил их Федьке.

Тот засунул птиц за пазуху и стал спускаться вниз.

– Кривой! А, деньги! – вскричал Васька.

– Перебьёшься.

– Ты гад, Кривой!

– Поговори у меня...

Это было наглое попрание неписанных правил. Голубями увлекались люди разных возрастов и профессий, но все они были равны друг перед другом, все они были голубятники.

Васька обошёл окрестных держателей голубей и поведал им о Федькиной грубости. Народ решил наказать Кривого – разобрать его стаю, а выкуп с него за отловленных голубей потребовать очень значительный.

Теперь, когда Федька выпускал своих птиц, другие голубятники поднимали сразу несколько стай. Чтобы птицы не ушли к Федьке их перед полетом подкармливали голубиными лакомствами – жареными семечками и пшеницей.

Прохожие останавливались и с удовольствием наблюдали за голубиной каруселью. Разнопородные птицы ходили кругами, высоко взмывали в небо, кувыркались, устремлялись к земле. Очевидно они наслаждались полётом, небом, свободой.

Федькина стая стала редеть. Он ходил по голубятникам и выклянчивал своих питомцев. Новые хозяева птиц заламывали несусветные выкупы. Притащился Федька и к Ишаку (один Федькин турман залетел к нему в голубятню). В это

время Васька чистил клетку. Ему помогал Лёшка. Он в виде особой милости был допущен на голубятню. Птицы не были подняты. Они ходили по крыше гаража, спускались на землю.

Когда Васька назвал сумму выкупа, Кривой начал грязно ругаться, а затем схватил Ваську за грудки и стал бить его своей головой в нос. Потекла кровь.

Увидев это, Лешка сзади вцепился Федьке в волосы и стал оттаскивать его голову назад. Васька вырвался из рук противника и сильно его толкнул. Тот попятился к краю крыши и рухнул на землю. Вскочив на ноги, он кинулся было к лесенке, но Васька схватил шест и дико заорал: «Голову проломлю!»

Немного постояв и поматерившись, Федька стал ретироваться. Васька поймал турмана, бросил его вверх и крикнул Кривому: «Лови свою птюху! Мне твоих денег не надо!»

Теперь Лешка вместе с Васькой кормил, поил глубей, поднимал их в небо, чистил голубятню и чувствовал себя счастливым огольцом. Когда Васькин брат, отслужив службу, вернулся домой, он свою стаю получил в целости и сохранности. В знак благодарности за помощь он одарил Лешку большим куском торта.

В наше время на Петроградской нет голубятен. Да много чего нет. Нет уличных торговек сладостями, мороженым, газированной водой, соками в розлив. Нет пивных ларьков, где из бочек наливали настоящее пиво. Нет (почти) продуктовых магазинов.

Раньше-то на площадь Льва Толстого выходило два Гастронома, рыбный магазин, магазин «Мясо», зеленой магазин. Сейчас же ничего этого нет. Вместо продовольствия торгуют там кожей, калькуляторами, одеждой и т. п.

И самое главное: нет на Петроградской доброжелательной, неспешливой ленинградской публики. Что-то скучновато стало на Петроградской.

На площадь Льва Толстого
С окрестных крыш и шпилей
Слетались утром голуби, простые сизари.
Старушки и детишки
Красивых птиц любили
Бросали на асфальт сырой пшено и сухари.

Решили в кабинетах:
От птиц лишь грязь и мусор.
Разносят эти голуби заразу средь людей.

И мальчики в штиблетах
Рассыпали приманку
И отравили разом красивых сизарей.
(Однако, чище на Петроградской не стало)

аннЕНСКАЯ МЕДАЛЬ

Облупилась прежняя респектабельность

Если отворишь массивную дверь из морёного дуба с шестигранным окошком для швейцара и войдешь внутрь, то окажешься в монументальной парадной с широкой лестницей, ограниченной массивными черными перилами, поддерживаемыми такими же массивными балясинами.

Стены парадной впечатляли. Желтого цвета, выполненные под мрамор, они в центре имели цветную мозаику, изображавшую вазу с цветами, обрамлённую лавровыми вет-

ками. Тянулись эти стены до самого пятого этажа. Снизу они имели метровый бордюр, представлявший собой прямоугольный орнамент, выложенный из мраморов разных расцветок. Ну, и высоко рельефная лепнина, и широкие окна, снабженные бронзовыми рукоятками. и устройства для крепления ковровой дорожки.

Ковровой дорожки конечно же не было. Она пропала в революционные годы. А швейцариха сохранилась. Это была совершенно старорежимная старуха с копной седых волос на голове и с пронзительным взглядом сквозь стёкла пенсне. Звали её церемонно: Генриетта Константиновна.

Она ни с кем из жильцов не общалась и даже не разговаривала. Ходили слухи, что швейцарихой она стала от безысходности. Якобы она – вдова царского генерала, казнённого солдатами. В начале тридцатых её выселили из генеральского особняка, вот она и пристроилась швейцарихой. Да и то по знакомству.

Иногда она сидела за столом возле лифта, но большая часть времени использовалась ею для поддержания чистоты в парадной. Лёшка считал, что все её боялись. Ну все, не все, но Лёшка точно боялся. Он даже и в мыслях не имел переться в парадную с керосиновым бидончиком или там с санками или самокатом: только через черный ход. Парадная было

что храм.

Вот перед дверью этого храма и стоял первоклассник Лёшка Барсуков не в состоянии отворить массивную, черную дверь из дуба с шестигранным окошком для швейцара. Он и раньше-то с усилием открывал эту тяжёлую дверь, а сегодня её было совсем не открыть. После оттепели грянул мороз под двадцать градусов и с дверью что-то случилось. Чтобы открыть её, нужно было хорошо поднапрячься. Лёшка поднапрячься в должной степени не мог, поэтому он стоял перед дверью и тихо плакал.

Плакал же он оттого, что у него отмерзли руки. Лёшка забыл в школе свои рукавицы и, пока добежал до дома со своим тяжёлым портфелем, подморозил пальцы, кончики их побелели, им было больно. А тут ещё дверь не открыть. Вот он стоял и плакал, ожидая, что кто-нибудь из жильцов пройдет через дверь и откроет её. Но никто не проходил.

Когда стало терпеть боль не вмоготу он, преодолев свой страх перед швейцарихой, дотянулся до кнопки звонка вызова швейцара и нажал её. Генриетта Константиновна появилась в момент. Увидев Лёшку, она очень удивилась: – Что случилось, молодой человек? – Руки замерзли, а дверь не открыть, – прохныкал Лёшка. – Ты из второй квартиры?

– Да.

– Дома есть кто-нибудь?

– Нет. Папа с мамой на работе.

– Тогда пойдём ко мне. Тебя вроде Лёшей звать?

– Ага.

Они зашли за лифт. Там был вход в швейцарскую.

Несмотря на боль, Лёшка сразу отметил, что помещение, где жила швейцариха было очень большим. Оно было намного больше комнаты в которой жил Лёшка с папой и мамой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.